

Эмоциональная сфера человека и язык: подходы к исследованию

© доктор филологических наук *Е.Ю. Мяжкова, 2010*

Несмотря на широкое обсуждение в научной литературе вопросов, связанных со способностью языка выражать и называть эмоции, и наличия теорий, обобщающих данные в этой области исследования, дискуссия по поводу соотношения языка и эмоций далека от завершения. Представляется, что множество неясностей, связанных с выяснением роли эмоций в овладении языком, становлении значения слова, формировании языковой компетенции и т. п., вызваны тем, что заинтересованные этой проблемой ученые работают в рамках различных лингвистических парадигм, в результате чего полученные ими выводы и заключения часто противоречат друг другу¹. Для того чтобы определить, по каким основаниям разные теории могут быть сопоставимы и как они могут обогатить и дополнить одна другую, целесообразно обратиться к данным психологических исследований, которые напрямую занимаются изучением эмоциональной сферы человека.

По-видимому, основой для поиска ответов на поставленные выше вопросы должны стать психологические теории, в которых эмоции и другие психические процессы исследуются в их *единстве и взаимообусловленности*.

С точки зрения таких теорий, чувства и эмоции – не аномалия по отношению к рассудку, но неотъемлемая его часть, задействованная во всех его проявлениях: возможно, стратегии человеческого сознания не могли бы развиваться (как с точки зрения эволюции в целом, так и с точки зрения конкретного индивида) без направляющей силы механизмов биологической регуляции²). Эмоциональная сфера понимается как *многоуровневый* феномен, включающий как не всегда осознаваемые чувства-ощущения, так и опосредованные культурой эмоции, которые индивидуально переживаются опять же в виде чувств-ощущений. Природа эмоциональных явлений – биологические механизмы регуляции дея-

---

¹ См., например, о различиях лингвистического и психолингвистического подхода к анализу значения слова: *Залевская А.А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. – М.: Гнозис, 2006. – 543 с.; *Мяжкова Е.Ю.* Эмоционально-чувственный компонент психологической структуры значения слова: Монография. – Курск: Изд-во КГУ, 2000. – 112 с..

² *Веккер Л.М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл, 1998. – 685 с.; см. также: *Damasio A.R.* Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain. – New York: Avon Books, 1995. – 313 p.

тельности. Однако, это лишь первичный уровень сложного процесса. Выступая в качестве неотъемлемого компонента психики, эмоциональные реакции формируются и активизируются на всех уровнях психической деятельности. В области высших форм психики, связанных с образом мира и себя самого, речь, однако, идет уже о процессах других уровней, связанных с формированием социализированных эмоций³. Тем не менее, поскольку все уровни связаны между собой, то, говоря об эмоциональных процессах, мы должны иметь в виду **и** то, **и** другое.

Таким образом, эмоциональная сфера человека может быть представлена как, по меньшей мере, трехуровневая структура (см. рис. 1), в основании которой лежит первичная эмоция, представляющая собой врожденный механизм жизнеобеспечения, помогающий организму дифференцировать полезное/вредное, безопасное/опасное и т. п. Вторая ступень представлена чувствами, которые переводят первичные эмоции в область ощущений и первичной рефлексии. При этом первичные эмоции не «превращаются» в чувства, но действуют параллельно с ними и являются для них основой. Третью ступень представляют так называемые социализированные эмоции, отфильтрованные культурой, получившие название в языке и включающие в себя первичные эмоции базового уровня и основанные на них чувства (вторая ступень). Специфической характеристикой эмоциональной сферы человека является *одновременная* задействованность всех показанных на схеме уровней и (в соответствии с природой каждого из уровней) разная степень их осознаваемости.

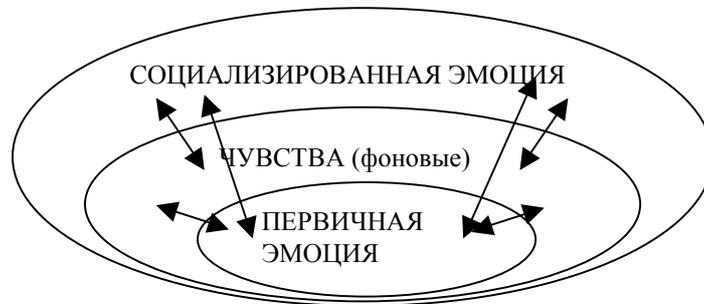

Рис. 1. Трехуровневая структура эмоциональной сферы

По-видимому, формирование второго уровня связано формированием сознания и является для этого необходимым условием. В эмо-

³ Ср. с рассмотрением уровней эмоциональной сферы в: *Damasio A.R. Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain.* – New York: Avon Books, 1995. – 313 p.

ции/переживании реализуются два компонента: отношение к объекту и отношение к себе. Кроме того, человек всегда отображает свои состояния на «карте» собственного тела. Можно согласиться с мнением А. Дамасио⁴, что первичные репрезентации самого тела обеспечивают также пространственную и временную схему, на которой могут быть основаны другие репрезентации. Именно эта схема, по-видимому, и становится основанием, точкой отсчета, при формировании сложного комплекса переживаний. Данные экспериментов⁵ свидетельствуют о том, что любое слово в той или иной мере выводит нас на ощущение (преимущественно неосознаваемое) собственного тела и его ориентацию в пространстве. Это ощущение может быть элементарной составляющей фоновых чувств⁶, определяющих нормальное (комфортное) состояние организма. Таким образом, пространственные и связанные с ними временные схемы, которые являются неотъемлемым элементом ощущения себя, также не могут быть исключены из анализа эмоционально-чувственного компонента значения.

Таким образом, специфика эмоции – в ее двойственности с точки зрения направленности маркированного эмоцией отношения. Эта двойственность состоит в одновременном переживании отношения к факту окружающего мира и к себе самому. В этом смысле любой продукт сознания имеет такую двойственную природу. Поскольку слово является средством доступа к единой информационной базе человека, оно неизбежно выводит (через соответствующей длины цепочку ассоциаций) на это двойственное переживание. В принципе любая единица языка, выводя на какой-то фрагмент индивидуальной картины мира (которая одновременно обязательно является социально и культурно опосредованной), неизбежно задействует комплекс переживаний разной степени сложности и осознаваемости. Разные структурные единицы языка, по видимому, можно было бы рассматривать как «указатели» на соответствующие типы комплексов переживаний (например, предлог – фрагмент ориентации в пространстве, в мире предметов и отношений между ними и между людьми, существительное – фрагмент области предметных знаний и т. п., поэтому комплекс связанных со словом переживаний специфичен и в значительной степени опосредован уровнем социализированных эмоций). Понятно, что этот комплекс не статичен – так же, как возникающие в мозге репрезентации постоянно модифици-

⁴ Damasio A.R. Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain. – New York: Avon Books, 1995. – 313 p.

⁵ См., например: Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент психологической структуры значения слова: Монография. – Курск: Изд-во КГУ, 2000. – 112 с.

⁶ См.: Bloom L. The transition from infancy to language. Acquiring the power of expression. New York: Cambridge University Press, 1993. – 350 p.

руются (обновляются), меняются и вызываемые ими переживания, сохраняя при этом «следы» предыдущих. Основные (базовые) эмоции определяют направления модальности, которые восходят к знаку эмоции (положительные или отрицательные в зависимости от полезности, ощущения комфортности и пр.).

Мы рассмотрели основные особенности эмоциональной сферы человека с точки зрения теории единства психических явлений. В таком контексте исследование соотношения эмоций и языка языковедами будет, по-видимому, определяться тем, какой из уровней эмоциональной сферы попадает в поле зрения ученого. Понятно, что это поле зрения, в свою очередь, задается методологическими установками, определяющими сущность языка и методы его изучения. Попробуем определить место некоторых из существующих языковедческих и гуманитарных научных парадигм в современной ситуации изучения эмоциональных характеристик языка. Представляется, что некоторые из них могут быть следующим образом «вписаны» в схему, приведенную на рис. 1 (см. Рис. 2).

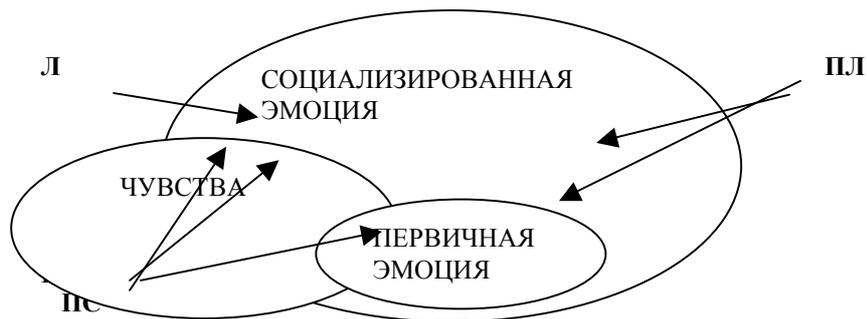

Рис. 2. Подходы к исследованию эмоциональной сферы

Итак, изучением эмоциональной сферы занимаются (в ряду других наук) лингвистика (Л), психолингвистика (ПЛ) и психология (ПС). Все эти науки исследуют эмоции через: а) анализ слов, называющих эмоции; б) описание вербального поведения как способа выражения эмоции. Таким образом, все три названные отрасли знаний обращаются к словам. Однако эмоции рассматриваются ими с разных исходных позиций, следовательно, фокус внимания смещается в ту или иную сторону.

Из рис. 2 видно, что лингвистика обращается лишь к высшему уровню эмоциональной сферы – социализированным эмоциям (то есть к тому, что фиксируется на уровне системы языка). Рассматривая слово как единицу системы языка, традиционная лингвистика описывает те

аспекты эмоциональности/эмотивности, которые так или иначе маркированы (например, словообразовательными элементами, лексикографическими пометами и пр. – или специфичными речевыми жанрами). Психолингвистические исследования позволяют приблизиться к более глубокому уровню эмоциональной сферы, поскольку в экспериментальных исследованиях эта наука обращается к носителю языка, который воспринимает мир пристрастно, поэтому любая единица знания для него окрашена определенным эмоционально-оценочным отношением (переживанием). Психологические изыскания нацелены на все уровни обсуждаемого феномена, однако не все эти уровни в одинаковой степени могут быть эксплицированы. При этом для психологии язык является лишь средством доступа к сфере психического и не становится предметом исследования. Понятно, что приведенная схема в значительной степени условна, но, на наш взгляд, она позволяет объяснить, почему в области изучения эмоций имеется так много разногласий и противоречий (ведь обсуждая *эмоции*, исследователи зачастую говорят о совершенно разных вещах!). В последнее время все чаще говорится о необходимости разработки новой, интегративной теории языка, однако понятно, что для ее создания важно осознавать, что она должна представлять собой не «сочетание несовместимого» (как иногда происходит, если игнорируются описанные выше различия в научных парадигмах), но принципиально иной подход к изучению языковых явлений. Заметим, что это потребует и создания (или строгого «содержательного контроля») терминологического аппарата, который исключил бы возможные появления терминов и их сочетаний типа «ментально ориентированные разновидности когнитивной функции»⁷.

Представляется, что для продвижения к интегративной теории языка и, в частности, той ее части, которая будет опираться на интегративную модель эмоциональных свойств языковых единиц, необходимо ответить на целый ряд вопросов. Среди них обязательным будет определение позиции по отношению к различным трактовкам понятия «эмоция» и обоснование предпочтения того или иного определения (или создание нового). Кроме того, в свете современных когнитивных исследований языка необходимо определить собственные позиции относительно взаимоотношения эмоции и познания. Понятно, что в сферу внимания не может не попасть становление языка с точки зрения развития когнитивных способностей и роли эмоций в формировании языковой лично-

⁷ Куликова И.С., Салмина Д.В. Теория языка: учебно-методический комплекс. В 2 ч. Ч. II.: Язык – человек – народ. – СПб., М.: Наука: САГА: ФОРУМ, 2009. – 480 с. В качестве примера противоположного этому стремления к точности научного языка, чтобы избежать подобных казусов, можно привести терминотворчество Ю.А. Сорокина – см., например: Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 160 с.

сти. Следует подчеркнуть, что с такой точки зрения достижения разных языковедческих парадигм (лингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики) нисколько не противоречат друг другу и друг друга не исключают, но являются во многом взаимодополняющими.

Если говорить об исследовании эмоциональных характеристик слова, то дальнейшее исследование эмоционально-чувственного компонента значения слова⁸ уже показало сложность этого феномена, рассматриваемого как комплекс связанных со словом переживаний разной степени осознанности. Выше уже говорилось о двойственной природе переживания. Возможно, стоило бы попытаться «расчленивать» эту двойственность: например, на материале анализа метафоры показать одновременную реализацию отношения к миру и отношения к себе.

Метафоричность языка может объясняться той же двойственностью переживания: поскольку точкой отсчета всегда является собственное тело и собственное «я», все обозначаемые языком предметы и явления окружающего мира имеют тенденцию быть сравниваемыми с тем, что «ближе к телу». Поэтому основные «когнитивные» метафоры связаны с выходом на пространственные, временные и соматические ориентиры⁹.

Важно, что эти схемы, являющиеся неотъемлемой составляющей эмоционально-чувственной основы языковой картины мира, усваиваются в процессе «врастания» индивида в культуру. Они не могут не быть культурно специфичными, поскольку, формируясь в культуре, модифицируются множеством факторов, и эта специфика отображается в языке. Учет эмоционально-чувственного фактора представляется исключительно важным при решении проблем межкультурной коммуникации. Кроме того, учет особенностей формирования эмоционально-чувственного значения слова должен стать необходимым при организации обучения языку, как родному, так и иностранному. При овладении языком ребенок усваивает слово в контексте конкретной ситуации, с которой у него связаны определенные переживания. За каждым словом постепенно формируется чувственный образ, который на протяжении жизни слова в индивидуальном сознании меняется. Понимание этого факта чрезвычайно важно, например, в современной ситуации организованного обучения, когда дети еще в начальной школе начинают изучать иностранный язык. Результаты экспериментальных исследований и наблю-

⁸ Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент психологической структуры значения слова: Монография. – Курск: Изд-во КГУ, 2000. – 112 с.

⁹ Ср., например, Lakoff G. & Kövecses Z. The cognitive model of anger inherent in American English // Cultural models in language and thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. Pp.195-221; Lakoff G. & Kövecses Z. The cognitive model of anger inherent in American English // Cultural models in language and thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. Pp.195-221. и др.

дений показывают, что неудовлетворительные результаты в этой области часто обусловлены именно недостаточным вниманием к эмоциональной сфере ребенка¹⁰.

Каким бы ни было направление дальнейшего исследования взаимоотношений языка и эмоций, не следует забывать, что достижения всех языковедческих парадигм составляют необходимую базу для движения вперед. В этом смысле психолингвистические исследования не могут не опираться на лингвистические теории эмоций¹¹, которые не только дают описание системных свойств эмотивной лексики и особенностей ее функционирования, но и базируются на богатейшем языковом материале. Кроме того, необходимо учитывать и современные тенденции развития когнитивной науки в плане ее обращения к проблемам телесности¹². По-видимому, в ближайшей перспективе на пути исследования соотношения эмоциональной сферы человека предстоит переход на новый уровень моделирования с учетом новых достижений близких к языковедению научных направлений.

---

¹⁰ См.: *Кремнева А.В., Мягкова Е.Ю.* Чувственные основания значения слова // *Язык, коммуникация и социальная среда: Сбор. научн. трудов. – Вып. 5. – Воронеж: Воронежский гос. университет, 2007. – С. 144-151; Кремнева А.В.* Эмоциональная составляющая образа, стоящего за иноязычным словом в лексиконе младшего школьника: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2008. – 18 с.

¹¹ См., например, *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: Монография Изд. 2-е, испр., доп. – ЛКИ, 2008а. – 208 с.; *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008б. – 416 с.

¹² См.: *Ruthrof H.* Semantics and the body: meaning from Frege to the postmodern. – Melbourne: Melbourne Univ. Press, 1998. – 321 p.; *Ruthrof H.* The body in language. – London; New York: Cassel, 2000. – 193 p.